

ЗЕРКАЛЬНАЯ КОМНАТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

Зеркальная комната

<https://litres.ru/74350118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антиквар Сергей Воронцов покупает на аукционе старинное венецианское зеркало с латинской надписью: «Не прикасайся ко мне в полночь». Предупреждение оказывается пророческим — в отражении он видит спящую женщину, которая шепчет: «Освободи меня». Одержимый тайной, Сергей открывает медальон на её шее и пробуждает дух, запертый в стекле более века. Цена свободы — его собственная жизнь. Теперь он пленник зеркального мира, а его тело заняла та, кого он разбудил.

Но история не заканчивается его падением. Андрей, лучший друг Сергея, берётся за расследование. Вместе с призраком Анны он отправляется в опасное путешествие по городам Европы, чтобы собрать осколки разрушенного зеркала и остановить тьму, которая угрожает поглотить реальность. Постепенно он становится хранителем света, способным видеть невидимые нити зла и сражаться с тенями, которые прячутся в каждом отражении.

Содержание

Пролог	4
«Последний вдох перед сном»	4
Глава 1. Наследство без завещания	9
Глава 2. Первое прикосновение	24
Глава 3. Зеркальный особняк	36
Глава 4. Подвал забытых зеркал	47
Глава 5. Освобожденные	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Зеркальная комната

Пролог

«Последний вдох перед сном»

Я — Анна. Это имя я почти забыла, потому что он называл меня Елизаветой — так ему нравилось, так звучало благороднее. Но сейчас, стоя перед этой гладью проклятого стекла, я помню себя прежнюю. Я чувствую холод мраморного пола босыми ногами, я слышу запах воска и увядших роз, и я вижу его — графа Александра Карамзина. Он держит в руке медный ключ, тот самый, что висит у меня на шее, внутри медальона с его миниатюрным портретом.

«Ты не оставишь меня, — говорит он, и голос его тих, как шелест страниц старого молитвенника. — Ты слишком красива, чтобы стареть, слишком своенравна, чтобы принадлежать другому. Я не позволю времени коснуться твоего лица».

Я молчу. Я уже умоляла, рыдала, билась в его грудь — он не дрогнул. Я напоминала ему, что любовь не запирают в клетку, что душа не может жить без солнца, что даже мраморная статуя трескается от мороза, если её не согреет живое дыхание. Но он смотрит на меня как на статую — как

на своё творение, которое он вправе закончить или уничтожить.

За моей спиной — венецианское зеркало в дубовой раме. Его заказали у мастера с острова Мурано, того самого, что умел отпечатывать не только лица, но и судьбы. Говорят, он продал душу дьяволу за умение останавливать мгновения. Теперь я знаю — это правда. Я видела чертёж на внутренней стороне рамы: сложные линии, пентаграммы, латинские слова, которые я не осмелилась прочитать вслух. Но я знаю их смысл — «Non morieris, sed dormies in aeternum» — «Ты не умрёшь, но будешь спать вечно».

Граф подходит ближе, и я чувствую запах его одеколона — сандал и бергамот, он всегда им пользовался, когда приезжал ко мне в усадьбу. Сейчас этот запах кажется мне запахом могильной земли.

«Ты войдёшь в зеркало, — говорит он, и я вижу безумие в его серых глазах. — И будешь жить там, пока кто-нибудь не откроет медальон ключом в полночь. Но ты не бойся — я умру раньше, чем ты проснёшься. А когда кто-то другой войдёт, чтобы спасти тебя, ты выйдешь и займёшь его место. Так ты будешь вечно молодой, вечно прекрасной, и твоя душа будет переходить из тела в тело, пока не найдёт того, кто отдаст себя добровольно. И тогда ты сможешь жить по-настоящему».

Я смотрю в его глаза и вижу, что он не шутит. Он верит в то, что говорит. Он любит меня безумной, тёмной любовью,

которая хочет владеть, а не дарить.

«Александр, — шепчу я, зная, что это имя может смягчить его. — Если ты любишь меня,пусти. Дай мне умереть как человек, а не жить как призрак».

Он качает головой.

«Смерть — это слишком просто. Ты заслуживаешь вечности. Даже если ты будешь ненавидеть меня — это лучше, чем, если бы ты забыла меня через десять лет».

Он берёт мою руку и ведёт к зеркалу. Я сопротивляюсь, но его пальцы стальные, он сильнее. Он прижимает меня к холодной глади — я чувствую, как стекло вибрирует, будто живое, и оттуда тянет ледяным ветром. Я вижу в глубине не своё отражение, а спальню с балдахином, горящие свечи и раскрытую книгу на столе.

«Закрой глаза, — приказывает он. — Там будет красиво».

Я не закрываю. Я смотрю на него в последний раз, впитывая каждую черту его безумного лица, чтобы запомнить, кого буду проклинать каждую ночь, если не усну навсегда.

Он вставляет ключ в медальон, поворачивает, и я слышу щелчок — мягкий, почти ласковый. И в тот же миг зеркало оживает: поверхность становится жидкой, как ртуть, и меня тягивает внутрь. Я не успеваю вскрикнуть — только ощущаю, как ноги немеют, руки холодеют, а в груди всё обрывается. Я падаю, но не вниз, а внутрь, в серебряную бездну, где нет ни верха, ни низа, а только тихое пение ветра и шёпот: «Ты здесь, ты теперь всегда здесь».

В последний момент я вижу его — он стоит по ту сторону стекла, и его лицо искажено мукой и счастьем. Он касается стекла кончиками пальцев и шепчет: «Прощай, моя вечная».

А потом — тьма. Но не пустая, а тёплая, словно я погружаюсь в сон. Я чувствую под собой мягкую постель, слышу, как потрескивают свечи, и вижу приглушённый свет, проникающий сквозь закрытые веки. Я пытаюсь открыть глаза — но они не слушаются. Я пытаюсь пошевелить пальцами — и они каменные. Я понимаю: я не сплю, я застыла между жизнью и смертью, и мне остаётся только ждать. Ждать того, кто откроет медальон. Ждать, чтобы проснуться и забрать его жизнь вместо своей.

И я жду.

Год за годом, век за веком. Я слышу, как за стеной особняка сменяются эпохи, как гремят колёса карет, потом рокочут автомобили, потом — голоса незнакомые мне, резкие и быстрые. Я вижу сны — обрывки чужих жизней, которые проходят мимо, не замечая меня. Но я знаю: однажды кто-то коснётся стекла в полночь, и тогда начнётся моя игра.

Я не знаю, буду ли я благодарна тому, кто разбудит меня. Или я прокляну его так же, как прокляла Александра. Но я знаю одно — в этой вечной темноте я сохранила свою волю. И когда меня коснётся рука живого человека, я снова стану той Анной, которую он пытался убить. Только теперь я сильнее, потому что смерть научила меня не бояться ничего — даже себя самой.

А за окнами зеркального особняка — вечная ночь. И в ней, в глубине серебряной глади, бьётся сердце, которое не перестало любить. И проклинать. И ждать.

Так начинается история о том, как любовь становится тюрьмой, а тюрьма — бессмертием. И если ты держишь эту книгу в руках, значит, ты уже вошёл в мой круг. Не открывай медальон в полночь. Или открой — если готов стать моим следующим сном.

Глава 1. Наследство без завещания

Петербург, октябрь, четверг, полседьмого вечера.

Дождь в этом городе никогда не заканчивается. Он просто меняет модуляции: то становится мельче, как бисер, и тогда кажется, что воздух состоит из стеклянной пыли; то превращается в косые струи, хлещущие по граниту набережных с такой злостью, будто Нева решила отомстить за всё своё вековое унижение. Сергей Воронцов знал это лучше, чем любой синоптик, потому что он жил здесь сорок два года и перестал замечать сырость. Она въелась в его кости, в его пальто, в запах книг, которыми был завален его кабинет. Но сегодняшний дождь был особенным — колючим, холодным, с привкусом металла, словно в него подмешали ржавчину и тоску. Сергей стоял у окна своей мастерской на Лиговском проспекте и смотрел, как по стеклу стекают грязные капли, искажая очертания проспекта до неузнаваемости. За его спиной тикали старые настенные часы с кукушкой, которую он так и не починил — птица высывалась из домика с застывшим выражением ужаса, будто её застали врасплох во время побега. Это была ирония, которую он ценил: часы показывали время, но само время в его жизни остановилось где-то между тридцатью и сорока, когда он понял, что коллекционирование старины — это не способ заработка, а способ не замечать собственного одиночества.

Он был антикваром, но не из тех, кто торгует фарфоровыми статуэтками и столовым серебром для новых русских. Сергей Воронцов был охотником за историями. Он покупал вещи, у которых были имена, даты, скандалы и тайны. Его специализацией были предметы с «тёмным прошлым» — так он сам называл их в разговорах с немногочисленными клиентами. Шкатулка, принадлежавшая фаворитке Распутина; зеркальце, в которое смотрелась перед смертью поэтесса Серебряного века; кресло, где застрелился отставной генерал. У каждой вещи была своя мелодрама, и Сергей умел её выслушать. Он не верил в мистику — нет, он был убеждённым материалистом, закончившим истфак с красным дипломом и защитившим диссертацию о быте петербургской знати XIX века. Но он верил в энергетику памяти. В то, что вещи впитывают эмоции своих владельцев, как губка впитывает чернила. И чем драматичнее была история, тем дороже он платил, потому что такие вещи не продавались — они жили в его коллекции, занимая целую комнату в его трёхкомнатной квартире, которую он иронично называл «музеем обречённых».

Сегодняшний звонок от риелтора вырвал его из привычного вечернего ритуала: проверка почты, беглый просмотр аукционных каталогов, потом чашка зелёного чая с бергамотом и чтение «Московского антиквара» — журнала, который он ненавидел за поверхностность, но читал из профессиональной привычки. Звонил некий Георгий Семёнович, вла-

делец небольшого агентства недвижимости, с которым Сергей сотрудничал уже лет пять. Голос у риелтора был виновато-бодрый, как у человека, который хочет сообщить плохую новость, но пытается придать ей вид удачи.

«Сергей Игоревич, добрый вечер, извините, что беспокою в неурочный час. У меня для вас предложение, которое вам понравится, даже если вы скажете «нет». В общем, есть дом в пригороде, старинный, графский, вернее, бывший графский. Собственник — банк, они получили его за долги, сейчас распродают обстановку, потому что здание пустует уже лет семь, и его собираются сносить под элитный посёлок, так что хлам, простите, исторические ценности, нужно вывезти до конца месяца. Я вспомнил о вас, потому что там есть кое-что такое... ну, я не специалист, но вещь выглядит дорогой. Огромное зеркало в деревянной раме, с надписью на латыни. Может, вас заинтересует?»

Сергей поморщился. Он не любил, когда ему предлагали «огромные зеркала» из бывших графских усадеб. Это, как правило, оказывались поздние реплики XIX века, бездушные, тяжеловесные, которые можно было купить на любом блошином рынке за пять тысяч. Но латинская надпись насторожила его — в России редко гравировали латынь на бытовых предметах, если только это не было связано с масонскими символами или религиозными текстами.

«Какая именно надпись?» — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

«Я сфотографировал, но у меня телефон старый, качество... — риелтор замялся. — Там что-то про «не прикасайся» и «полночь», точно не помню. Я перешлю вам фото, если хотите. Но лучше бы вам приехать и посмотреть самим. Усадьба Карамзиных, знаете такую? Километров тридцать от города, в сторону Выборга. Дом сохранился неплохо, но запущен, конечно. Если вы решите купить что-то, я договорюсь о скидке — банк хочет освободить площадь, им не жалко».

Карамзины. Это имя что-то шевельнулось в глубине памяти Сергея. Он перебирал мысленно фамилии петербургских родов — графский титул, среднее дворянство, не слишком известные, но и не заштатные. Кажется, он где-то встречал это имя в архивах, когда писал диплом о быте усадебной жизни. Что-то связанное с коллекционированием, с мистикой, ... но он не мог ухватить конкретику, как не мог ухватить ускользающий край сна после пробуждения.

«Хорошо, — сказал он, глядя, как за окном гаснет серый день, и фонари начинают зажигаться с неохотой, как старики, которые не хотят просыпаться. — Завтра утром я приеду. Пришлите адрес».

Он положил трубку и ещё минуту смотрел на дождь. Что-то в этом разговоре было неправильным, какая-то фальшивая нота, как будто риелтор не договорил, специально утаил. Но Сергей привык доверять своей интуиции — она редко его подводила, особенно когда речь шла о сделках с прошлым.

Он заварил чай, открыл ноутбук и забил в поиск «Карамзины Петербург усадьба». Поиск выдал скудные строки из краеведческого справочника: графский род, берущий начало от выходцев из Молдавии, владел поместьем под Выборгом с конца XVIII века. Последний владелец — Александр Ильич Карамзин, камергер, известный библиофил и коллекционер оккультной литературы. Умер в 1847 году, не оставив прямых наследников, имение перешло по боковой линии, потом было национализировано, потом пустовало, потом перешло к банку.

Сергей нахмурился. «Коллекционер оккультной литературы» — это звучало интригующе. Он начал глубже копать, открывая оцифрованные архивы, но сведения были обрывочными. Никаких упоминаний о зеркале, никаких легенд. Зато есть странная заметка в дневнике одного из современников Карамзина: «Александр Ильич удалился в своё выборгское поместье в 1823 году и почти не показывался в свете. Поговаривали, что он сошёл с ума от любви к какой-то крестьянке, которую заточил в подвале, или что он продал душу за бессмертие. Впрочем, все эти слухи — плод праздного воображения столичных сплетников». Сергей усмехнулся: «продал душу за бессмертие» — классическая клише для любого помещика, который не любил балов и предпочитал книги.

Он выключил ноутбук и решил лечь спать пораньше — завтра предстояла дорога, а осенние трассы в Ленинградской

области были опасны из-за тумана. Но уснуть не мог. В голове вертелось слово «зеркало», и оно каким-то образом связывалось с детским страхом — он помнил, как в детстве бабушка запрещала ему смотреться в зеркало после полуночи, говорила, что «там просыпаются чужие». Он тогда смеялся, но сейчас, лёжа в темноте, он вдруг остро осознал, что за двадцать лет профессиональной работы с артефактами он ни разу не покупал старых зеркал. Ни одного. Они всегда обходили его стороной, как будто сами не хотели иметь с ним дела, или он интуитивно избегал их. И вот теперь — судьба подкидывает ему именно зеркало.

«Ерунда, — сказал он вслух, чтобы разбить тишину. — Просто совпадение». Но совпадениям он тоже не верил.

Следующее утро было серым и бледным, как восковая маска. Сергей выехал из города в девять, навигатор показывал без малого час пути, но из-за тумана пришлось сбавить скорость, и он добрался только к половине одиннадцатого. Дорога петляла между чахлых сосен и осин, чьи голые ветви тянулись к небу, как пальцы утопленников. Усадьба открылась внезапно — за поворотом возникла белая колоннада, облупленная, с чёрными провалами окон, и портик с полуразрушенными лепными украшениями. Когда-то это был ампир, строгий и изящный, но теперь он выглядел как старый больной, которого бросили умирать в поле.

Сергей остановил машину на гравийной площадке, где уже ждал риелтор — низенький, кругленький мужчина в

слишком светлом плаще, который выглядел как гриб в дождливую погоду. Он замахал рукой, радостно улыбаясь, и Сергей внутренне поморщился: этот тип явно хотел впарить ему что-то ненужное, но внешне сохранял любезность.

«Сергей Игоревич, здравствуйте! Ну, и погодка, а? Прямо как в том анекдоте про Петербург — ноябрь самый тёплый месяц, потому что он ещё не декабрь. Проходите, я вам всё покажу, только осторожно, полы местами прогнили, особенно в западном крыле. Но зеркало стоит в центральной гостиной, там полы крепкие, кстати, паркет, кажется, дубовый, ещё с тех времён».

Он тараторил, пока Сергей шёл за ним через главный вход. Внутри пахло плесенью, сухими листьями и временем — тем особенным запахом, который бывает только в долго закрытых домах, где воздух застоялся и стал густым, как патока. Свет проникал сквозь грязные окна, затянутые паутиной, и рисовал на полу косые прямоугольники, в которых кружилась пыль. Сергей оглядывался: здесь действительно было что-то ценное — лепнина на потолке, камин из карельского мрамора, остатки штофа на стенах. Но всё было в упадке, и банк явно не собирался восстанавливать.

«Вот, прошу, — риелтор остановился перед дверью, обитой выцветшим бархатом, и распахнул её с театральным жестом. — Центральная гостиная».

Сергей перешагнул порог и замер. Комната была огромной, с высокими окнами, в которых не осталось стёкол —

только рамы, сквозь которые врывался ветер и капли дождя. Посреди комнаты, на полу, в пыли и мусоре, стояло оно — зеркало. Это было не то, что он ожидал. Он думал, что увидит типичное напольное трюмо в стиле модерн или ампирное венецианское, но это было нечто другое. Огромное, почти в человеческий рост, в массивной раме из тёмного дуба, с вырезанными по бокам спиралями и растительным орнаментом, в котором, приглядевшись, можно было различить лица — не человеческие, а скорее маски, сатиры или фавны, с искажёнными гримасами. Верх рамы венчал картуш с латинской надписью, вырезанной глубокими буквами, заполненными когда-то золотом, но позолота почти стёрлась. Сергей подошёл ближе и прочитал:

«Noli me tangere in media nocte».

Он знал латынь — «Не прикасайся ко мне в полночь». Но перевод не передавал всей жути этой фразы. Она звучала как запрет, как предупреждение, как заклинание. Он провёл пальцами по дереву — оно было холодным, почти ледяным, несмотря на то, что в комнате было сыро и прохладно, но не настолько. Древесина сохраняла температуру склепа.

«Вот, — риелтор встал рядом, невольно потирая руки, словно ему было зябко. — Я вам говорил, вещь занятная. Рама тяжёлая, ну, может, тонн двести, но мы погрузим, не беспокойтесь. Зеркало, кстати, не битое, царапин почти нет, отражает отлично. Смотрите».

Он подошёл к зеркалу и провёл рукой по поверхности,

оставляя жирный след. Сергей хотел сказать, что не стоит трогать старые стекла без перчаток — там могут быть микротрещины и сульфидное серебрение, которое осыплется от касания, — но в этот момент он краем глаза уловил движение. В глубине зеркала, за отражением риелтора и мокрых стен, мелькнуло что-то белое — тень, которую нельзя было объяснить. Он моргнул — всё исчезло. Только голый пол, серое небо в проёмах окон, и он сам, скептически поджавший губы.

«Да, — сказал он, стараясь скрыть внезапную дрожь. — Рама действительно хорошая, возможно, итальянская работа, XVI век? Нужно посмотреть клейма. Но цена?»

«О, банк просит сущие копейки, — оживился риелтор. — Пятнадцать тысяч, и ваше. Забирайте вместе с подставкой, она отдельно лежит, там бронзовые львиные лапы, может, даже из красной меди. Мы договоримся».

Сергей кивнул, хотя внутренний голос кричал ему, что сделка слишком хороша, чтобы быть правдой. Такое зеркало на аукционе ушло бы за сотню тысяч, а то и больше, если бы оказалось венецианским. Но банк, очевидно, не знал ценности, и риелтор просто хотел облегчить вывод. Это было разумно, но странно. Слишком странно.

«Я забираю, — сказал он, вдруг почувствовав азарт, почти спортивный. — Организуйте доставку завтра. Я оставлю вам аванс».

Риелтор просиял, но в его улыбке мелькнула тень, кото-

рую Сергей заметил только потому, что привык читать лица. Это был не страх — скорее, сожаление, как если бы он хотел отговорить, но не смел. «Хорошо, хорошо, я всё оформлю, — сказал риелтор, отводя глаза. — Только, знаете, есть один нюанс. Местные говорят, что зеркало это не простое. В деревне, где я нанимал рабочих для очистки территории, старуха одна, баба Клава, лет под сто, сказала, что оно «живое». Что у него внутри спит женщина, и если её разбудить, то она выйдет и заберёт того, кто её разбудил. Но это же бредни, правда?»

Он засмеялся нервным смехом, но Сергей не поддержал. Он смотрел на зеркало, и ему казалось, что в его глубине, на самом дне, под слоями ртути и времени, он видит очертания тела — изящного, женского, с распущенными волосами, лежащего на чём-то мягком, возможно, на кровати под балдахином. Но это была просто игра света, туман, выдумка усталого глаза.

«Конечно, бредни, — сказал он холодно. — Я не верю в легенды, я верю в факты. Завтра зеркало будет у меня».

Он вышел из усадьбы, почти не прощаясь, и сел в машину. Дождь усилился, и дворники едва успевали смахивать воду. Он завёл мотор и выехал на трассу, но всё время в зеркале заднего вида ему чудилось, что за ним кто-то следит — не машина, а сама усадьба, которая провожала его пустыми чёрными окнами, как глазами. Он выругался и включил радио, чтобы заглушить мысли, но вместо музыки из динами-

ков полился странный шум — низкий, гудящий, похожий на чей-то вздох. Он переключил станцию — снова этот звук. Выключил радио совсем — тишина в машине была оглушающей, и в ней он отчётливо слышал шёпот, тонкий, как паутина: «Не прикасайся, ... не прикасайся... не просыпай...» Он сжал руль так, что побелели костяшки, и глянул в боковое зеркало. На заднем сиденье никого не было. Но в стекле заднего вида, там, где должно было отражаться пустое шоссе, он увидел мгновенное пятно белого платья, а затем — пустоту.

Сергей затормозил прямо на обочине, сердце колотилось, лоб покрылся холодным потом. «Это просто от усталости, — сказал он себе, но голос дрожал. — Я не спал двое суток, занимался архивами, у меня глюки». Он глубоко вздохнул, выпил воды из бутылки, и через пять минут продолжил путь, стараясь не смотреть в зеркала.

Но всю дорогу до города он чувствовал на себе чужой взгляд. Тяжёлый, древний, голодный.

Доставку организовали на следующее утро. Двое грузчиков с трудом затащили зеркало в квартиру Сергея на Лиговском, проклиная вес и узкий лифт. Они установили его в гостиной, прямо напротив дивана, где он обычно читал, и уехали, оставив Сергея наедине с приобретением. Он долго стоял и смотрел на него, пытаясь понять, что именно его так тревожит. Рама была великолепна: резьба, хотя и потемневшая от времени, была тонкой, почти ювелирной, и он теперь ясно

различал в орнаменте лица — они были не просто масками, они были портретами: мужские и женские, с закрытыми глазами, как у спящих. Он насчитал их десять, по пять с каждой стороны. И все они были обращены к центру, к стеклу, как будто смотрели на того, кто стоит перед зеркалом.

Он протёр стекло мягкой тканью, и оно засияло чистотой — на удивление, без единой царапины, без потускнения амальгамы. Оно было идеальным, как будто его только что сделали, а не хранили полтора века в сырой усадьбе. Сергей отошёл на шаг и посмотрел на себя. Его отражение было чётким, обычным, только чуть бледнее, чем он привык, но это могла быть игра тусклого дневного света. Он попытался отвести взгляд, но не смог — зеркало притягивало, гипнотизировало, в нём была та глубина, которая бывает только у старых водоёмов, где нельзя разглядеть дно. Он провёл пальцами по раме, дотронулся до картуша с надписью, и ему показалось, что буквы слегка тёплые, как будто их только что нарисовали огнём.

Вечер он провёл в беспокойстве. Он не мог сосредоточиться на чтении, не мог заставить себя ужинать, только ходил из комнаты в комнату, и каждый раз его взгляд падал на зеркало. В сумерках, когда зажглись, фонари и на улице стало темно, он заметил, что отражение в зеркале изменилось. Теперь в нём была не его гостиная, а другая комната — старомодная, с обоями в цветочек, с тяжёлыми порттьерами и канделябрами, в которых горели свечи. И на кровати под

балдахинном лежала женщина. Она лежала неподвижно, как спящая, но в свете свечей Сергей различал абрис её плеч, длинные тёмные волосы, белое платье, которое облегалo её фигуру.

Он замер. Сердце забило часто-часто. «Это галлюцинация, — повторил он, как заклинание. — Это эффект старого серебряного покрытия, оно отражает наложенный слой, возможно, там было другое зеркало, и я вижу его отражение». Он нашёл рациональное объяснение, но оно прозвучало фальшиво даже в его собственной голове. Он подошёл ближе, на расстояние вытянутой руки, и прикоснулся к стеклу кончиками пальцев. И тут произошло нечто, что он не мог описать. Его пальцы не встретили твёрдой поверхности — они провалились внутрь, в прохладную пустоту, как будто он коснулся воды, которая не была водой. Он отдернул руку с вскриком, и в тот же миг женщина в зеркале шевельнулась. Она повернула голову, и хотя её глаза были закрыты, Сергей почувствовал, что она смотрит на него — прямо сквозь стекло, сквозь время, сквозь его страх. Её губы чуть приоткрылись, и он услышал отчётливый шёпот, который шёл не извне, а прямо из его головы:

«Открой ключом... На тумбочке лежит ключ... Открой медальон... Освободи меня...»

Сергей отшатнулся, ударился спиной о диван и едва не упал. Он выбежал из гостиной, захлопнул дверь и прислонился к стене в коридоре, тяжело дыша. Он был антикваром,

он привык к странным вещам, но это было за гранью. Он слышал шёпот, чувствовал прикосновение, видел то, чего не должно быть. И в то же время в нём проснулось любопытство — то самое, опасное, которое двигало его годами. Он хотел понять, что это было. Он хотел войти туда снова, но уже осознанно, с холодным умом.

Он вернулся в гостиную, включил все лампы, до рези в глазах, чтобы разогнать тени. Зеркало теперь выглядело обычным — его собственная комната, книги, кресло, пыльный торшер. Никакой спальни, никакой женщины. Но на раме, на картуше, он заметил мелкую трещину, которой раньше не было, и она шла от буквы «N» до буквы «M», словно стекло пыталось треснуть, но не решилось. Он коснулся рамы — она была горячей. Горячей, как печная дверца.

Сергей достал блокнот и записал: «Зеркало, возможно, имеет оптический обман, наложение изображения. Необходимо проверить с помощью инфракрасной камеры. Пока — избегать ночных контактов». Но он знал, что не сможет избежать. Ночь наступала, а в полночь надпись обещала, что нельзя прикасаться. Он закрыл гостиную дверь, запер её на ключ и ушёл спать в дальнюю комнату, оставив все светильники включёнными.

Но даже сквозь закрытую дверь, сквозь шум дождя за окном, он слышал ровное, мерное дыхание. Оно доносилось оттуда, из-за двери, и оно было не его. Он лежал в темноте, глядя в потолок, и считал минуты до полночи. Сердце би-

лось как птица в клетке. И когда часы пробили двенадцать, он услышал ясный, отчётливый стон, похожий на женский плач, который разнёсся по всей квартире, просочился сквозь щели, сквозь его страх, и лёг прямо ему на грудь.

«Завтра, — прошептал он, сжимая подушку. — Завтра я пойму, что это. Или умру от любопытства».

Он не знал тогда, что любопытство убивает не только кошек. Оно пробуждает спящих дам.

Глава 2. Первое прикосновение

Сергей проснулся от того, что ему снился сон, в котором он тонул. Он лежал на дне чёрной реки, и сквозь толщу воды на него смотрело лицо — женское, с закрытыми глазами, белое как мрамор. Он пытался всплыть, но ноги опутывали водоросли, и каждый вдох наполнял лёгкие свинцовой тяжестью. Он проснулся с криком, сел на кровати, хватая ртом воздух, и некоторое время не мог понять, где он — в своей квартире или в том подводном мире. За окном было серое утро, дождь закончился, но небо оставалось низким и мутным, как молоко, разбавленное водой. Часы показывали половину десятого — он проспал почти до полудня, хотя обычно вставал в семь. Тело было ватным, голова гудела, а в груди засела странная тяжесть, будто там, под рёбрами, кто-то сжал кулак и не разжимал.

Первая мысль, которая пришла в голову, когда он окончательно очнулся, была о зеркале. Он вскочил, натянул халат и, не зажигая света, прошлёпал босыми ногами по холодному паркету к двери гостиной, которую он запер на ключ прошлой ночью. Ключ всё ещё торчал в замке, дверь была закрыта. Он замер на мгновение, прислушиваясь: за дверью было тихо, но эта тишина казалась напряжённой, как струна, натянутая до предела. Никакого дыхания, никакого сто-на. Только едва слышный звон, похожий на тот, что изда-

ют хрустальные бокалы, если провести по их краю влажным пальцем. Сергей взял себя в руки, повернул ключ, толкнул дверь и вошёл.

Комната выглядела так же, как он оставил её ночью: лампы горели тусклым жёлтым светом, книги на полках, диван, кресло, торшер. И зеркало. Оно стояло на своём месте, массивное и спокойное, отражая теперь не его гостиную, а серое утро за окном, которого на самом деле не было — за его спиной было окно, выходящее во двор, а зеркало отражало что-то вроде парка с голыми деревьями. Сергей моргнул — отражение изменилось: теперь он видел свою комнату, точную копию, только без него самого. Он шагнул влево — отражение не повторило движения, осталось неподвижным. Его сердце пропустило удар, а затем забилось так часто, что застучало в висках.

Он подошёл к зеркалу, остановился в полуметре и всмотрелся в стекло. Теперь оно отражало его собственное лицо — бледное, небритое, с красными глазами. Он провёл рукой по щеке, и отражение повторило жест. «Просто игра света, — сказал он вслух, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Солнечный зайчик. А парка там нет, это блики от люстры». Но он знал, что лжёт самому себе. Вчера, когда он коснулся стекла, его пальцы прошли сквозь. Он снова протянул руку, медленно, ожидая, что сейчас случится то же самое. Но пальцы встретили твёрдую, холодную поверхность. Никакого провала, никакой воды. Просто обычное стекло, на кото-

ром остался жирный след от его прикосновения. Он выдохнул с облегчением, но в тот же миг заметил на полу, у самого основания рамы, влажный след — отпечаток босой ноги. Маленький, изящный, женский. Он стоял на паркете, а след был направлен от зеркала, как будто кто-то вышел из него и сделал один шаг, а потом исчез.

Сергей опустил на колени и провёл пальцем по следу. Вода была холодной, как из ключа, и пахла лавандой — тем самым запахом, который он чувствовал в усадьбе, когда стоял перед зеркалом. Он резко выпрямился, оглядел комнату: никого, только он и тишина. След был реальным, осязаемым, он не исчезал, хотя прошло уже несколько секунд. Сергей достал из кармана халата платок и промокнул его, затем аккуратно сложил и убрал в карман, чтобы позже отдать на анализ. Он не был суеверным, но он был методичным. Если зеркало оставляет физические следы, значит, это не просто галлюцинация. Значит, там что-то есть.

Он обошёл зеркало со всех сторон, осматривая раму. Вчера он обратил внимание только на лицевую сторону, но теперь он увидел, что тыльная сторона была покрыта мелкими гравировками, почти стёртыми, но всё ещё различимыми. Это были имена — мужские и женские, на русском, латыни и, кажется, на итальянском. «Александр», «Елизавета», «Фёдор», «Софья», «Джузеппе», и ещё несколько, которые он не мог разобрать. Рядом с каждым именем стояла дата: 1823, 1844, 1867, 1891, 1902, 1917, 1924, 1935, 1956,

1983. Последняя дата была пустой, без имени, только год — 2020, и рядом с ним — вопросительный знак. Сергей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Эти имена и даты выглядели как список тех, кто был связан с зеркалом. И последняя дата, 2020, была пустой, как будто ждала, когда кто-то впишет туда новое имя.

Он вспомнил, что риелтор говорил о старухе, бабе Клавье, которая утверждала, что зеркало «живое» и внутри спит женщина. Теперь это уже не казалось бредом. Он быстро оделся, заварил крепкий кофе и сел за ноутбук, чтобы ещё раз проверить всё, что мог найти о Карамзине и о зеркалах с подобными гравировками. Его поиски привели на форум коллекционеров оккультных артефактов, где он нашёл ветку десятилетней давности. Некто под ником «Venice_ghost» рассказывал о венецианском мастере XVII века, который создавал «зеркала душ» — особые изделия, способные удерживать сознание человека между мирами. Мастер использовал технику, утерянную в XVIII веке, но некоторые его работы сохранились в частных коллекциях. Их легко было узнать по резным рамам с лицами спящих и латинским надписям-запретам. Одно из таких зеркал, по слухам, находилось в России, в усадьбе Карамзиных. Пост заканчивался предупреждением: «Никогда не смотрите в такое зеркало в полночь. Если вы увидите там спящего человека, значит, он ждёт, когда вы его разбудите. И если вы это сделаете — он займёт ваше место. Зеркало всегда ищет замену».

Сергей закрыл ноутбук и откинулся на спинку стула. Теперь у него было два варианта: либо он просто продаст зеркало следующему коллекционеру и забудет об этом, либо он разгадает его тайну. Второй вариант манил его, как запретный плод. Он уже почти принял решение, когда в дверь позвонили. Он вздрогнул, но, посмотрев в глазок, увидел Андрея — своего единственного друга, журналиста, который работал в городской газете и вечно искал сенсации. Андрей стоял на лестничной площадке с бутылкой вина и улыбался во весь рот.

«Открывай, Воронцов, я знаю, что ты дома! — прокричал он через дверь. — Я соскучился, мы не виделись две недели. У меня есть новости о той усадьбе, которую ты скупаешь».

Сергей впустил его, и Андрей, как всегда, вошёл с шумом, скинул пальто на стул, прошагал в гостиную и остановился перед зеркалом как вкопанный.

«Ни чего себе! — выдохнул он. — Это оно? То самое, о котором ты говорил? Сергей, это же... это ж вещь! Оно огромное, как портал в другой мир. Ты с ума сошёл, зачем тебе такое в квартире? Оно же всю стену заняло!»

Сергей усмехнулся, но в глазах у него была тревога.

«Андрей, садись, у меня есть что рассказать. Только без иронии, я серьёзно».

Он пересказал другу всё: ночной шёпот, провалившиеся пальцы, след на полу, гравировки с именами. Андрей слушал, сначала с насмешкой, потом с нарастающим интересом,

а когда Сергей показал ему мокрый платок и список имён на тыльной стороне рамы, он присвистнул.

«Знаешь, я думал, ты просто переутомился, — сказал Андрей, присаживаясь на диван и наливая себе вина. — Но это... это уже не шутки. Я видел похожую историю в одной старой подшивке, когда делал репортаж о городских легендах. Там говорилось о графе, который запер свою невесту в зеркале, потому что она собиралась бежать с другим. Он был одержим идеей вечной красоты, и пригласил какого-то венецианского умельца. В итоге невеста исчезла, а граф сошёл с ума и умер в одиночестве. погоди, я могу найти ту статью в архиве редакции, я её как-то сканировал».

Он начал рыться в телефоне, листая файлы, а Сергей стоял у зеркала и вглядывался в его глубину. Теперь, при дневном свете, в нём не было ничего странного — только его собственная фигура и комната. Но он знал, что стоило только дожждаться ночи, и всё повторится. Он чувствовал это кожей, нервами, всем существом.

«Вот, нашёл, — объявил Андрей, протягивая телефон. — Смотри, тут статья из «Вечернего Петербурга» за 1912 год, интервью с внуком слуги того самого графа. Он рассказывал, что в полночь из зеркала доносится плач, а если прикоснуться к нему, то можно увидеть спальню с кроватью и женщиной. И что у неё на шее висит медальон, который открывается только специальным ключом. Ключ, по слухам, находился у графа, но после его смерти исчез. И что любой, кто откроет

медальон, освободит даму, но сам навсегда останется в зеркале, став её новым стражем».

Сергей побледнел. Он вспомнил, что вчера, когда он коснулся стекла и увидел женщину, она шептала: «Открой ключом». Она говорила о медальоне. Он посмотрел на свои руки, вспоминая, не видел ли он ключ где-то в комнате. И вдруг его осенило: на тумбочке, которую он видел в отражении — там лежал маленький медный ключ. Он был реален, ведь он уже брал его в руку, когда просовывал пальцы в зеркало. Может быть, ключ всё ещё там, в том пространстве, и он может достать его, если попытается снова.

«Андрей, — сказал он, голос его дрогнул, — я собираюсь достать ключ из зеркала. Сегодня ночью. Ты не отговаривай меня, это мой шанс понять, что там на самом деле».

Андрей вскочил, замахал руками.

«Ты с ума сошёл! Это же легенда, Сергей! Ну, хорошо, там есть какие-то аномалии, но лезть в зеркало, в полночь, когда написано «не прикасаться»? Это самоубийство! Давай я вызову ребят из института паранормальных исследований, они установят аппаратуру, снимут показания, а потом уже решим, что делать».

«Нет, — отрезал Сергей. — Это моё дело. Я не хочу, чтобы к моей коллекции прикасались посторонние. Если ты боишься, уходи, я справлюсь сам».

Они поспорили ещё полчаса, но Сергей был непреклонен. Андрей, наконец, сдался, но взял с него слово, что он бу-

дет вести дневник и фиксировать всё, что происходит, чтобы в случае чего остались свидетельства. Сергей согласился, и Андрей ушёл, оставив бутылку вина и мрачное предчувствие.

Вечер опустился на город стремительно, как чёрная занавеска. Сергей целый день готовился: он установил диктофон рядом с зеркалом, поставил камеру на штативе, чтобы записывать всё происходящее, и накатал несколько страниц в дневнике, описывая события предыдущего дня. Он попытался поесть, но аппетит пропал. Он пробовал читать, но буквы расплывались перед глазами. Единственное, что он мог делать — это сидеть на диване и смотреть, как медленно ползет стрелка часов к полуночи.

За час до назначенного времени он встал, подошёл к зеркалу и прикоснулся к стеклу ладонью. Поверхность была ледяной, и он почувствовал лёгкую вибрацию, словно там, внутри, билось сердце. Он убрал руку и стал ждать. Когда часы пробили двенадцать, комната погрузилась в особую тишину — даже уличный шум затих, как будто город затаил дыхание. И тогда он увидел это: в глубине зеркала снова появилась спальня с балдахином, свечи на тумбочке и она — лежащая женщина, неподвижная, но с приоткрытыми губами.

Он сделал шаг вперёд и снова протянул руку. На этот раз он не колебался. Пальцы встретили лёгкое сопротивление, а затем прошли сквозь, как в холодную воду. Он не чувство-

вал боли, только странное покалывание, будто тысячи иголок касались кожи. Он просунул руку дальше, до локтя, и нащупал что-то твёрдое — тумбочку. Его пальцы зашарили по деревянной поверхности и наткнулись на маленький металлический предмет. Ключ. Он сжал его и начал медленно вытаскивать руку обратно.

Когда он вынул руку из зеркала, в ладони лежал медный ключ — старый, с зелёным налётом, с изящной головкой в виде цветка. Он был реален, осязаем, он весил граммов тридцать. Сергей повертел его, поднёс к свету: на головке была гравировка — буква «А» и дата «1823». Тот же год, что был на раме. Он почувствовал, как по телу пробежала дрожь восторга и страха. Ключ был в его руке. Значит, всё, что он видел — правда. Зеркало ведёт в другое пространство, и там есть предметы, которые можно забрать.

Он поднёс ключ к зеркалу, и в тот же миг женщина внутри шевельнулась — её голова повернулась в его сторону, и он отчётливо увидел медальон на её шее, серебряный, с филигранным узором, точно такой же, какой был описан в статье. Он понял, что ключ подходит именно к нему. И тогда он услышал её голос — не шёпот, а настоящий мелодичный голос, звучащий, как будто изнутри его собственной головы.

«Ты нашёл ключ, — сказала она, и её губы чуть улыбнулись, хотя глаза оставались закрытыми. — Ты смелый, я ждала тебя так долго. Подойди ближе, открой медальон, и я проснусь. Я не причиню тебе зла, я просто хочу увидеть

свет».

Сергей замер. Все его инстинкты кричали, что это ловушка. Но любопытство было сильнее. Он уже сделал первый шаг, когда его мозг подал сигнал тревоги. Он оглянулся на диктофон — тот работал, камера тоже. Запись останется. Он шагнул к зеркалу, встал прямо перед ним и, не раздумывая больше, шагнул в стекло.

Переход был мгновенным. Он не почувствовал боли, только лёгкое головокружение, и вот он уже стоял в той самой спальне, которую видел из-за зеркала. Свечи горели ровным пламенем, воздух пах лавандой и ещё чем-то сладким, похожим на мёд. Мебель была старинной, с резными ножками, на полу лежал ковёр с восточным узором. А на кровати, под балдахином из выцветшего шёлка, лежала она. Вблизи она была ещё прекраснее: тёмные волосы, рассыпанные по подушке, тонкие черты лица, бледная кожа, и серебряный медальон на груди, который мерно вздымался в такт дыханию.

Сергей подошёл к кровати, опустился на колени и взял в руки медальон. Он был тёплым, как живое тело. Он вставил ключ в замочную скважину, повернул, и услышал щелчок — такой же, какой, должно быть, слышала Анна полтора века назад. Медальон раскрылся, и внутри оказался миниатюрный портрет мужчины с тёмными глазами и аристократическим носом — граф Александр Карамзин. И в тот же миг женщина открыла глаза. Они были карими, глубокими,

как омуты, и в них светился странный огонь, который не был человеческим.

Она села на кровати, потянулась, как кошка, и улыбнулась ему. Её улыбка была нежной и страшной одновременно.

«Здравствуй, Сергей, — сказала она, и её голос эхом отразился от стен. — Ты даже не представляешь, как долго я ждала. Ты разбудил меня, и теперь я свободна. Но за каждое освобождение нужно платить».

Она встала, и её белое платье струилось по полу, как вода. Она подошла к нему, взяла его лицо в ладони и поцеловала в лоб. И в тот же миг Сергей почувствовал, как его ноги наливаются свинцом, руки тяжелеют, а мысли начинают путаться, как нитки в клубке. Он попытался отшатнуться, но тело не слушалось. Он повернул голову к зеркалу, через которое вошёл — оно было там, но его поверхность теперь отражала не спальню, а его собственную гостиную, пустую, с включённым диктофоном и камерой. Он хотел бежать к нему, но не мог сделать и шага.

«Не пытайся, — сказала она, её голос стал мягче, почти ласковым. — Ты вошёл добровольно, ты открыл замок. Теперь ты здесь, а я уйду туда. Это справедливо — я страдала сто лет, ты пострадаешь немного. Пока кто-то другой не повторит твой подвиг».

Она взяла его за руку, повела к зеркалу и, прежде чем он успел сказать хоть слово, она шагнула сквозь стекло. Сергей остался стоять в спальне, глядя, как её фигура тает в его

квартире, как она оглядывается, улыбается ему напоследок и произносит:

«Спасибо за ключ, ты был очень любезен. Не грусти, я буду приходить к тебе по ночам — в твои сны, чтобы ты не чувствовал себя одиноким. Ведь теперь мы связаны навсегда».

Зеркало затянулось серебряной пеленой, и отражение его гостиной исчезло. Он остался один в странной, чужой комнате, где не было ни окон, ни дверей, ни выхода. Только он, свечи, кровать и тишина, которая начала сгущаться вокруг него, как туман.

Сергей упал на колени и закричал. Но никто не услышал его крика — он растворился в вечной ночи зеркального мира.

Глава 3. Зеркальный особняк

Сергей не знал, сколько времени прошло. Минуты? Часы? Дни? В этом мире не было окон, а свечи, горевшие ровным жёлтым пламенем, не таяли, не оплывали, словно их фитили были заколдованы. Он поднялся с колен, всё ещё чувствуя на лбу холодный отпечаток поцелуя Анны — там, где её губы коснулись его кожи, осталось жжение, как после ожога крапивой. Он провёл пальцами по этому месту и почувствовал, что кожа стала гладкой, почти восковой, будто он начал превращаться в статую. Сердце колотилось где-то в горле, но разум, его профессиональный, аналитический разум, отказывался сдаваться панике. Он был антикваром, коллекционером тайн, и если он попал в ловушку, значит, из неё должен быть выход.

Он оглядел спальню. Мебель была тяжёлой, ампирной, с бронзовыми накладками в виде львиных морд. На туалетном столике стояла шкатулка из карельской берёзы, рядом лежал серебряный гребень с выпавшими волосами — длинными, тёмными, всё ещё хранившими запах лаванды. Сергей подошёл к туалетному столику и открыл шкатулку. Внутри лежали украшения — скромные, недорогие, явно не графские: янтарные серьги, серебряное кольцо с бирюзой, и маленький ключик, точно такой же, как тот, что он держал в руке, когда открывал медальон. Но этот ключ был ещё меньше, почти

игрушечный. Сергей взял его, покрутил и спрятал в карман брюк. Возможно, он пригодится.

Он подошёл к зеркалу, которое теперь было не проходом, а просто огромным стеклом в тяжёлой раме. В нём отражалась спальня — кровать, свечи, он сам, бледный, с тёмными кругами под глазами. Он коснулся стекла — оно было твёрдым, холодным, как лёд. Никакой текучести, никакого входа. Он попытался ударить по нему кулаком — зеркало не дрогнуло, лишь глухой звон разнёсся по комнате, и на его костяшках выступила кровь. Он зашипел от боли, но это было обнадеживающе: боль означала, что он всё ещё живой человек, а не призрак.

Спальня имела одну дверь, обитую тёмным бархатом, с медной ручкой в виде женской кисти. Сергей толкнул её, и она открылась без скрипа, как хорошо смазанный механизм. За ней оказался длинный коридор, освещённый теми же вечными свечами, которые стояли в канделябрах вдоль стен. Пол был мраморным, чёрно-белым, в шахматную клетку, и каждый шаг отдавался эхом, которое множилось и терялось в глубине. Коридор уходил в обе стороны, и Сергей не знал, куда идти. Он выбрал левое направление, потому что там свет казался чуть теплее, и пошёл, считая шаги, как делал всегда в минуты стресса.

Он насчитал пятьдесят три шага, когда коридор вывел его в огромный зал. Это была бальная зала, судя по всему, с высокими потолками, колоннами и хрустальной люстрой, ко-

торая висела в центре, но не горела, а лишь тускло отражала свет свечей с нижних канделябров. Стены были обиты шёлком, выцветшим до бледно-розового, и на них висели портреты — длинная галерея лиц, мужских и женских, в старинных костюмах, с серьёзными или печальными выражениями. Сергей приблизился к одному из портретов и узнал лицо — тот самый мужчина с тёмными глазами, которого он видел в медальоне. Граф Александр Карамзин. Под портретом была табличка с датами: 1795–1847. И короткая надпись на французском: «Il aimait trop pour pardonner» — «Он слишком любил, чтобы прощать».

Сергей перевёл взгляд на другие портреты. Все они были подписаны, и среди имён он заметил знакомые: Фёдор, Софья, Джузеппе — те же, что были выгравированы на тыльной стороне рамы. Он быстро пересчитал: девять портретов. Десятым, вероятно, была Анна — её портрета не было. Или она ещё не стала частью этой галереи? Сергей почувствовал, как холодок пробежал по спине: а что, если его портрет тоже появится здесь? Он огляделся, ища своё лицо, но пока на стенах висели только старые полотна.

В центре зала стоял рояль — старый, расстроенный, с пожелтевшими клавишами. Сергей сел за него и взял несколько аккордов. Звук был глухим, как будто инструмент не использовали десятилетиями. Но под крышкой рояля он заметил стопку бумаг — ноты, письма, и среди них — дневник, переплетённый в коричневую кожу, с выцветшим чернильным

заголовком: «Дневник узника». Сергей открыл его, и глаза его расширились: это была рукопись, датированная 1917 годом. Первая страница начиналась словами:

«Я, Фёдор Петрович Звягинцев, записываю это, чтобы предупредить тех, кто придёт после меня. Я был искателем приключений и дураком, поверившим в легенду о спящей даме. Я нашёл зеркало в усадьбе, услышал шёпот, открыл медальон. И теперь я здесь, в этом мире без выхода. Но я не сдаюсь. Я ищу способ разрушить зеркало изнутри. Если вы читаете это — значит, вы тоже попали в ловушку. Не доверяйте ей. Анна — не жертва. Она хищница. Она питается нашими жизнями, нашими годами, чтобы оставаться молодой. Каждый, кто входит сюда, отдаёт ей часть своей силы. Но у неё есть слабость — её настоящее имя. Она забыла его, а граф заставил её принять имя Елизавета. Если вы узнаете, как её звали до встречи с Карамзиным, вы сможете разрушить чары. Я узнал его — её звали Анной, ... но это слишком просто, она сменила имя, чтобы запутать следы. Ищите в библиотеке её личные письма. Там, возможно, есть подсказка».

Сергей перевернул страницу. Записи становились более отрывистыми, торопливыми. Фёдор писал о том, что исследовал особняк, нашёл потайную лестницу в подвал, где стояли другие зеркала, в каждом из которых спал человек. Он попытался разбить одно из них, но стекло не поддалось. Он нашёл библиотеку с книгами по оккультизму, но большая часть

была написана на языках, которых он не знал. Последняя запись обрывалась на полуслове: «Я слышу её шаги в коридоре. Она вернулась. Она знает, что я читал её письма. Я спрячу дневник в рояле, если она убьёт меня. Тот, кто найдёт его, — продолжай поиски. В библиотеке, на третьей полке, есть книга с закладкой из шёлка. В ней — карта поместья. На карте отмечена комната, где она хранит свои настоящие вещи. Ключ от комнаты — в шкатулке на её туалетном столике. Я видел его, но не успел взять...»

Запись обрывалась. На последней странице было красное пятно — похожее на кровь, но высохшее и тёмное, как ржавчина. Сергей закрыл дневник и сжал его в руках. Значит, он был прав: Анна — не просто жертва, она охотница. И ему нужно найти её настоящее имя, чтобы разрушить заклятие. Но для начала — нужно найти ту самую комнату с её вещами.

Он встал из-за рояля, спрятал дневник за пазуху и двинулся в сторону, которую Фёдор обозначил как ведущую к библиотеке. Коридоры особняка извивались, как лабиринт, и Сергей несколько раз проходил одни и те же места, пока наконец не нашёл массивную дубовую дверь с табличкой «Biblioteca». Он толкнул её, и она открылась с протяжным скрипом, словно её не открывали столетия.

Библиотека была огромной, двухъярусной, с галереей, на которую вели винтовые лестницы. Книги стояли в строгих рядах, их корешки тускло поблескивали в полумраке. Сер-

гей подошёл к третьей полке, как было указано, и нашёл книгу с шёлковой закладкой — тонкий томик в кожаном переплёте, озаглавленный «О природе зеркальных иллюзий» на итальянском. Он открыл его на закладке — внутри лежала сложенная карта поместья, нарисованная от руки тушью. На карте был отмечен крестиком кабинет на втором этаже, в западном крыле. Рядом стояла подпись: «Тайная комната графини. Вход за портретом неизвестной дамы».

Сергей свернул карту и вышел из библиотеки, направляясь к лестнице на второй этаж. Лестница была широкой, с резными балюстрадами, но ступени были покрыты таким слоем пыли, что следы его ботинок оставались чёткими, как на снегу. Он поднялся на второй этаж и двинулся в западное крыло, отсчитывая двери. Третья дверь вела в небольшую гостиную, на стене которой висел портрет женщины в кружевном чепце. Сергей подошёл к нему, нащупал край рамы и осторожно потянул — портрет откинулся, как дверца, и за ним открылся тёмный проём, ведущий в маленькую комнату без окон.

Он зажёл свечу, которую взял в коридоре, и шагнул внутрь. Комната была уставлена шкафами и комодами, на столе стоял пыльный письменный прибор, рядом — стопка писем, перевязанных лентой. Сергей взял письма, развязал ленту и начал читать. Это были старые письма, адресованные «Анне Егоровне» — так, значит, её имя было Анна Егоровна, что-то простое, но именно его она забыла или скрыва-

ла. Он пробежал по строкам: письма были от подруги, в которых та упоминала «бедную Аннушку», которую граф держит взаперти и запрещает видеться с семьёй. Сергей понял: вот оно, её истинное имя — Анна Егоровна Синицына, дочь сельского священника. Это была не графиня, а простая девушка, которую граф полюбил и превратил в свою вечную пленницу.

Он спрятал письма и уже собирался выходить, когда услышал шаги в коридоре. Шаги были лёгкими, почти бесшумными, но они приближались. Сергей затаился за дверью, затаив дыхание. Шаги остановились прямо перед портретом. Он слышал чужое дыхание — ровное, спокойное, и голос, шепчущий на ухо ему, хотя он был по ту сторону стены:

«Ты нашёл мою комнату, умный мальчик. Но ты не должен был этого делать. Ты прочитал письма? Узнал моё имя? Это не поможет тебе, Сергей. Даже если ты произнесёшь его вслух, я уже здесь, в твоём мире. Я в твоём теле. А ты — всего лишь отражение. Но не волнуйся, я не дам тебе умереть. Мне нужно, чтобы ты жил — пока я не найду себе новое тело. А пока... развлекайся в моём старом доме. Здесь много книг. И много теней».

Сергей сжал кулаки. Он хотел выбежать, наброситься на неё, но понимал, что это бесполезно — она была не физической здесь, она была там, снаружи, в его квартире, и могла говорить с ним, потому что между ними была связь. Он стиснул зубы и крикнул в темноту:

«Анна Егоровна Синицына! Я знаю твоё имя! И я найду способ разбить это проклятое зеркало, даже если мне придётся провести здесь остаток жизни!»

В ответ раздался тихий смех — мелодичный, как колокольчики, но в нём слышалась сталь.

«Давай, попробуй. А пока я в твоей квартире разберусь с твоим другом Андреем. Он уже звонил тебе два раза, но я не взяла трубку. Он приедет вечером. И я встречу его как гостеприимная хозяйка. У меня есть твой голос, твои жесты. Он даже не заподозрит подвоха. И когда он уйдёт, он оставит мне частичку своей души — по доброте душевной. Ты же знаешь Андрея, он всегда хочет помочь друзьям».

Сергей похолодел. Он представил, как Андрей приходит к нему домой, видит Анну в его обличье, разговаривает с ней, пьёт чай... и что она может сделать с ним. Он вспомнил, что в дневнике Фёдора говорилось, что Анна может питаться не только жизненной силой, но и эмоциями, воспоминаниями. Она могла вытянуть из Андрея всё, что ему дорого, оставить его пустым.

«Не трогай его! — закричал Сергей. — Он ни в чём не виноват! Это я влез в твоё зеркало, я открыл медальон!»

«Слишком поздно, — ответил голос. — Ты уже связал нас, и теперь твои близкие — тоже мои. Но если ты хочешь спасти Андрея, найди способ связаться с ним изнутри. В библиотеке есть пишущая машинка. Она умеет печатать тексты, которые появляются на поверхности зеркала в твоём

мире. Если ты напишешь ему предупреждение, возможно, он успеет убежать. Я даю тебе шанс, Сергей. Играем по-честному».

Сергей выбежал из тайной комнаты, бросился вниз по лестнице, сломя голову, и ворвался в библиотеку. Там, на столе, действительно стояла старая пишущая машинка — «Ремингтон» начала XX века. Он вставил лист бумаги и начал печатать, дрожащими пальцами:

«Андрей, это Сергей. Я в ловушке внутри зеркала. Женщина, которую я разбудил, вышла в моё тело. Не приходи ко мне домой, это опасно! Она может навредить тебе. Найди способ разбить зеркало, или найди оккультиста, который знает, как разрушить чары. Её настоящее имя — Анна Егоровна Синицына. Произнеси его вслух перед зеркалом в полночь, и чары ослабнут. Жди моего следующего сообщения. Сергей».

Он вытащил лист и посмотрел в зеркало, которое висело в библиотеке — оно отражало его, но он знал, что текст появится и в том зеркале, которое стояло в его квартире. Он надеялся, что Андрей увидит это сообщение, когда придёт. Но в тот же миг он услышал тот же голос, теперь уже с усмешкой:

«Хорошая попытка, Сергей. Но ты забыл одну вещь: я тоже умею печатать. Я уже убрала твоё письмо и написала своё. Андрей увидит совсем другой текст. Он прочитает, что ты счастлив, что ты уехал в командировку, и что он может приходить, когда захочет. И он придёт. Он всегда придёт. А те-

перь иди спать, мой дорогой. Тебе нужно отдохнуть — завтра будет долгий день».

Пишущая машинка сама собой застучала, печатая что-то, и Сергей с ужасом увидел, как на листе появляются слова, написанные его почерком, но не его рукой. Слова были приглашением Андрею на ужин.

Он схватил лист, разорвал его, но в зеркале уже мелькнула тень его собственного лица, которое улыбнулось ему и подмигнуло.

— Игра только начинается, — сказал голос, и всё стихло.

Сергей остался в пустой библиотеке, с разорванным письмом в руках, понимая, что его сообщение не дошло, и что Андрей сейчас в опасности, а он ничем не может ему помочь. Он почувствовал, как отчаяние сжимает горло, и опустился на пол, уткнувшись лицом в колени. Но внутри него всё ещё тлела искра: он знал имя Анны, он знал, что где-то в этом особняке есть ключ к уничтожению зеркала. И он найдёт его. Или умрёт, пытаясь.

Он поднял голову и заметил на столе ещё один лист, чистый, с печатным текстом, который появился только что: «Следующая подсказка — в подвале. Там стоят зеркала с другими узниками. Они знают, как её победить. Но будь осторожен: они не все дружелюбны. Некоторые из них хотят выйти так же сильно, как она».

Сергей сжал лист и, собрав остатки сил, двинулся в сторону подвала. Там, в темноте, его ждала встреча с теми, кто

разделил его судьбу — и, возможно, с последней надеждой на свободу.

Глава 4. Подвал забытых зеркал

Лестница в подвал была крутой и узкой, ступени выщерблены временем, покрыты слоем въевшейся грязи. Сергей спускался медленно, держа свечу перед собой — её пламя колебалось от сквозняка, который тянул из-под двери вниз, тёплый и влажный, пахнувший затхлой землёй и чем-то сладковато-приторным, как гниющие лилии. Каждый шаг отдавался деревянным скрипом, и эхо терялось в глубине, словно кто-то повторял его движения с задержкой — невидимый двойник, идущий на шаг позади. Сергей остановился, прислушался: тишина, только его собственное дыхание и далёкое, едва уловимое позвякивание металла. Он продолжал спускаться, и скоро лестница вывела его в просторный, низкий подвал со сводчатым кирпичным потолком. Сырые стены были покрыты известью, местами обвалившейся, обнажая красный кирпич, который блестел от влаги. В центре подвала стояли они — три массивных зеркала в тяжёлых рамах, каждое было слегка повернуто к центру, как будто они вели немой разговор. Они были меньше, чем то, через которое он вошёл, но выполнены в той же манере: тёмное дерево, резные маски по краям, латинские надписи на картушах. Сергей подошёл к первому и прочитал: «*Qui dormit, nunquam vigilabit*» — «Кто спит, никогда не проснётся». Второе гласило: «*Speculum animae*» — «Зеркало души». Третье было

без надписи, только вырезанная дата: «1823», и под ней — имя «Анна» тонким курсивом.

Он замер перед третьим зеркалом. Его поверхность была тёмной, почти чёрной, как ночное небо без звёзд. Никакого отражения, никакой комнаты, только глубокая тьма, которая, казалось, дышала. Сергей протянул руку, но в последний момент отдёрнул — он уже научился опасаться прикосновений к проклятому стеклу. Вместо этого он подошёл к первому зеркалу и вгляделся в его глубину. Сначала он видел только своё лицо, бледное, с напряжёнными глазами, но потом, по мере того как взгляд фокусировался, он различил очертания человека, спящего в кресле с высокой спинкой. Это была женщина лет сорока, в тёмном викторианском платье с кружевным воротником, её руки были сложены на коленях, лицо спокойное, но бледное, как у покойницы. Она не дышала, по крайней мере, Сергей не видел движения груди. Он постучал по стеклу костяшками, но звук был глухим, и женщина не проснулась.

Тогда он перешёл ко второму зеркалу. Внутри, на фоне тускло освещённого кабинета с картами и оружием на стенах, лежал мужчина в офицерском мундире первой половины XIX века, с аккуратными усами и бакенбардами. Он спал на узкой койке, подложив руку под голову, и его лицо было искажено гримасой боли, как будто даже во сне его мучили кошмары. Сергей окликнул его: «Эй, вы слышите меня?» Но офицер не пошевелился. Только тень пробежала по его ли-

цу, и свеча в кабинете качнулась, хотя воздуха там не было.

Третье зеркало, с именем Анны, оставалось тёмным и безмолвным. Но когда Сергей приблизился к нему, он почувствовал, как его собственная грудь сжалась, словно внутри него проснулся чужой ритм. Он отступил и вдруг услышал голос — не снаружи, а из самого зеркала, из его чёрной глубины:

«Они не ответят тебе, Сергей. Они слишком долго спали, и их сны стали глубже смерти. Чтобы разбудить их, нужно их истинное имя. Как ты разбудил меня. Но ты не знаешь их имён. Ты знаешь только моё — и это не поможет тебе, потому что я уже свободна».

Это была Анна. Её голос звучал тихо, почти нежно, но в нём была сталь, которую он уже научился распознавать. Сергей сжал кулаки.

«Ты лжёшь, — ответил он. — Я читал дневник Фёдора. Он говорил, что они могут помочь, если их разбудить. Я разбужу их, даже если мне придётся перебрать все имена в мире».

Смех Анны был мягким, как шелест шёлка.

«Ты упрямый, это мне нравится. Хорошо, я дам тебе подсказку. Рядом с каждым зеркалом есть табличка с датой и местом рождения. Если ты найдёшь их настоящие имена в архивных книгах в библиотеке, ты сможешь произнести их, и они откроют глаза. Но имей в виду: не все они будут рады тебя видеть. Некоторые из них провели здесь столетия, и они

озлоблены. Они могут навредить тебе, даже не желая того».

Голос стих, и Сергей остался в тишине. Он подошёл к первому зеркалу и нашёл табличку: «Софья Андреевна Орлова, р. 1821, Москва». Второе зеркало: «Дмитрий Сергеевич Болховский, р. 1809, Петербург». Третье — без таблички, но с именем «Анна» и той же датой, что и на раме. Он запомнил имена и поднялся в библиотеку, чтобы искать архивные записи. Он просидел несколько часов, листая пыльные фолианты, пока не нашёл старую метрическую книгу, где были записи о рождениях и крещениях. Софья Орлова оказалась дочерью мелкопоместного дворянина, умерла в 1844 году — по официальным данным, от чахотки, но Сергей уже знал, что на самом деле она попала в зеркало. Дмитрий Болховский был офицером, участником войны 1812 года, пропал без вести в 1847 году. Их судьбы были похожи: они искали приключений, слышали легенду о зеркале и были пойманы.

Сергей вернулся в подвал, подошёл к зеркалу Софьи, глубоко вздохнул и произнёс: «Софья Андреевна Орлова!» Голос его эхом разнёсся по подвалу, и внезапно поверхность зеркала пошла рябью, как вода от брошенного камня. Женщина внутри вздрогнула, её веки дрогнули, и она медленно открыла глаза — карие, с красными прожилками, словно она плакала во сне. Она уставилась на Сергея, сначала с непониманием, затем с ужасом.

«Кто ты? — спросила она, и голос её был слабым, как скрип половиц. — Ты извне? Ты пришёл, чтобы освободить

нас?»

«Я Сергей. Я тоже пленник Анны. Я разбудил её, и она заняла моё тело. Я ищу способ разрушить зеркало. Ты можешь помочь мне?»

Софья провела рукой по лицу и попыталась встать, но её ноги подкосились, и она оперлась на спинку кресла. Она была бледной, но в её глазах зажглась искра надежды.

«Анна... эта проклятая девка. Она заманила меня сюда, пообещав показать картины моего отца. Я была дурочкой. Но я знаю её слабость. У неё был медальон, который граф дал ей, и в нём — локон его волос. Если сжечь этот локон, зеркало потеряет свою силу. Но медальон сейчас с ней, в твоём мире, на твоей шее. Ты должен забрать его у неё».

«Она носит его? — спросил Сергей, вспоминая, как Анна вышла из зеркала с медальоном. — Но как я могу забрать его, если я здесь, а она там?»

«Ты не можешь, — сказал голос из третьего зеркала. Это был мужской голос, твёрдый и властный. — Но ты можешь вызвать её сюда. Она связана с этим местом, и если ты позовёшь её по имени, она будет вынуждена явиться. Только тогда ты сможешь сорвать медальон с её шеи».

Сергей обернулся. К его удивлению, во втором зеркале офицер Дмитрий тоже открыл глаза — он стоял у своего зеркала и смотрел на Сергея с суровым вниманием.

«Я Дмитрий Болховский. Я был офицером Его Императорского Величества, и я не собираюсь умирать в этом стек-

лянном гробу. Слушай меня внимательно: чтобы вызвать Анну, ты должен произнести её полное имя трижды в полночь, стоя перед зеркалом, которое было её входом. Но когда она появится, она будет в ярости. Она будет пытаться убить тебя — или, хуже того, перетянуть тебя в свой мир навсегда, уничтожив твой разум. Ты должен быть быстрее. Схвати медальон, сорви его и разбей локон. Но если ты не успеешь, ты погибнешь».

«И что будет со мной, если я успею? — спросил Сергей. — Я смогу вернуться в свой мир?»

«Да, — ответила Софья. — Зеркало разрушится, и все узники обретут свободу. Но ты должен знать: каждый, кто войдёт в зеркало, оставляет там часть себя. Ты можешь вернуться, но ты будешь не совсем прежним. Ты навсегда запомнишь этот мир, и он будет сниться тебе каждую ночь. Это цена».

Сергей кивнул. Он был готов заплатить эту цену, лишь бы спасти Андрея и себя.

«Когда можно провести ритуал? — спросил он. — Мне нужно время, чтобы подготовиться».

«Сегодня полночь, — сказал Дмитрий. — Время здесь не имеет значения, но в твоём мире идёт вечер. У тебя есть несколько часов. Иди, найди зеркало, через которое ты вошёл, и подготовься. Мы будем ждать. И если ты не вернёшься к утру — мы будем знать, что ты проиграл. Тогда уже никогда не будет другого шанса».

Сергей поблагодарил их и поспешил наверх, оставив подвал с его тёмными зеркалами. Он нёсся по коридорам, пересчитывая повороты, и когда добрался до спальни, где очнулся, он был весь в поту. Зеркало всё так же стояло на месте, отражая теперь его лицо — уставшее, но решительное. Он подошёл к нему, опёрся ладонями о раму и закрыл глаза.

Он слышал, как в его квартире за стеной пробило восемь часов. Значит, там был вечер. Андрей, должно быть, уже пришёл или собирался прийти. Анна в его теле ждала его. Сергей чувствовал её присутствие, как будто они были связаны невидимой нитью. Он знал, что должен действовать, и действовать быстро.

Он начал готовиться. Он нашёл в шкафу старый плащ, чтобы спрятать руки, и подобрал с пола острый осколок стекла — не от зеркала, а от разбитого канделябра. Он не знал, зачем ему оружие, но интуиция подсказывала, что оно пригодится. Он ждал, пока часы на камине (которых здесь не было, но он слышал их бой в своей голове) отсчитают десять, одиннадцать, и наконец — начало двенадцатого.

Он встал перед зеркалом, глубоко вздохнул и начал:

«Анна Егоровна Сеницына... Анна Егоровна Сеницына... Анна Егоровна Сеницына!»

Его голос дрогнул на третьем разе, и в тот же миг зеркало задрожало, по его поверхности пробежали серебряные молнии, и оно стало прозрачным, открывая его собственную гостиную. Там, посреди комнаты, стояла она — его копия, его

лицо, его тело, но в глазах горел чужой огонь. Анна улыбнулась, но улыбка была холодной, как лезвие.

«Ты посмел вызвать меня, — сказала она, и её голос звучал из его губ, неестественно низко. — Ты думаешь, что сможешь победить меня, маленький антиквар? Ты даже не представляешь, что я могу сделать с твоим телом. Я могу разбить его, как стекло, могу заставить его болеть, стареть, умирать. И ты ничего не сможешь поделать».

«Я не боюсь тебя, — ответил Сергей, и сам удивился своей твёрдости. — Ты — всего лишь призрак, запертый в этой ловушке. Я узнал твоё имя, я узнал твою тайну. Ты — дочь священника, которую любил граф, но ты предала его. Ты хотела сбежать с другим, и он запер тебя, чтобы ты не старела. Но ты стала монстром, питающимся чужими жизнями. И сегодня я положу этому конец».

Анна рассмеялась — резко, истерично, и в этом смехе слышалась тоска.

«Ты ничего не знаешь! Я любила Александра, но он был ревнивцем и тираном. Он запер меня не за измену, а потому что я отказалась стать его женой. Он хотел владеть мной, а я хотела свободы. И когда я убила его, зеркало стало моей тюрьмой. Я не монстр, я жертва! «Я не позволю тебе уничтожить мою последнюю надежду на жизнь».

Она сделала шаг вперёд, и Сергей увидел, что медальон действительно висит на её шее, на его шее, поблёскивая серебром в тусклом свете. Он потянулся к нему, но она отшат-

нулась.

«Не смей! — прошипела она. — Если ты коснёшься его, я убью твоего друга. Я уже накормила его ложью, он думает, что ты уехал в командировку. Но я могу позвонить ему и сказать, что ты зовёшь его, что ему нужно срочно приехать. И тогда он попадёт в ловушку — прямо как ты».

Сергей побледнел. Он знал, что она не шутит. Но он также знал, что если он сейчас отступит, он потеряет всё. Он шагнул вперёд, сокращая дистанцию, и выбросил руку, пытаясь ухватить медальон. Анна среагировала быстрее — она перехватила его запястье и сжала его с такой силой, что кости хрустнули. Сергей закричал от боли, выронил осколок, и она отшвырнула его в сторону, как тряпичную куклу. Он упал на пол, ударившись головой о ножку дивана, и мир поплыл перед глазами.

«Ты слаб, — сказала Анна, нависая над ним. — Все вы, мужчины, думаете, что вы герои, но вы просто игрушки. Я играла с тобой, с Фёдором, с Дмитрием, со всеми. И я выиграю снова. Ты останешься здесь навсегда. А я буду жить твоей жизнью, пока она мне не надоест. А потом найду другую. И так до скончания времён».

Она наклонилась, чтобы схватить его за горло, и в этот момент Сергей увидел, как в гостиной, за спиной Анны, открывается дверь. На пороге стоял Андрей — с бутылкой вина в руках, с улыбкой на лице, которая мгновенно сменилась удивлением и ужасом. Он увидел, как «Сергей» душит само-

го себя — как его двойник, бледный и растрёпанный, лежит на полу, а его собственное тело, его лицо, склоняется над ним с хищной улыбкой.

«Серёга? — выдохнул Андрей, выронив бутылку, которая разбилась вдребезги. — Что за херня?»

Анна резко обернулась, и в её глазах мелькнул гнев. Она отпустила горло Сергея и встала, выпрямляясь во весь рост.

«Андрей, — сказала она его голосом, но интонация была чужой, неестественной. — Ты не должен был здесь быть. Я же сказал, что уезжаю».

«Ты... ты не Сергей, — сказал Андрей, попятившись. — Кто ты? Где Сергей?»

«Я здесь, — прохрипел Сергей, поднимаясь с пола, держась за голову. — Андрей, это я. Она в моём теле. Она — женщина из зеркала. Она заманила меня в ловушку, и теперь я не могу выйти. Схвати её! Схвати медальон у неё на шее и разбей локон внутри! Это единственный способ разрушить зеркало!»

Андрей не колебался ни секунды. Он был журналистом, он видел много странного, но сейчас перед ним разворачивался сюжет, который он даже не мог вообразить. Он рванул вперёд, пытаясь схватить Анну, но она оказалась быстрой — она увернулась и оттолкнула его плечом. Андрей поскользнулся на разбитой бутылке и упал, порезав ладонь об осколки.

«Ты дурак, Андрей! — закричала Анна. — Ты даже не

понимаешь, что он уже не человек! Он мёртв! Он — просто тень, которую я создала, чтобы запутать тебя! И ты умрёшь так же, как умрут все, кто пытался нам мешать!»

Она метнулась к зеркалу, которое всё ещё было прозрачным, и попыталась шагнуть в него, чтобы вернуться в свой мир. Но Сергей в последний момент закричал:

«Софья, Дмитрий! Помогите мне!»

В тот же миг из глубин зеркала донеслись голоса — два голоса, женский и мужской, которые запели что-то на латыни. Это было заклинание, и стены квартиры задрожали. Анна остановилась, схватившись за голову, и закричала — её крик был истеричным, нечеловеческим. Сергей, собрав остатки сил, бросился к ней, сорвал с её шеи медальон, раздавил его в кулаке и с усилием вырвал изнутри локон волос, который тут же вспыхнул, синим пламенем.

И в тот же миг зеркало взорвалось.

Взрыв был оглушительным, но не физическим — он был внутри, в сознании, в воздухе. Вспышка света ослепила всех, и Сергей почувствовал, как его тело разрывается на части, как его выталкивает из того мира и вталкивает обратно. Он провалился в темноту, услышав последний крик Анны, полный ярости и боли, и затем — тишину.

Очнулся он на полу гостиной, в луже воды, которая образовалась от разбившегося зеркала. Его тело было его собственным, и он мог двигать пальцами. Он приподнялся и увидел Андрея, который сидел рядом, зажимая порезанную

ладонь, и смотрел на него с изумлением.

«Серёга... ты живой? — спросил он, и голос его дрожал. — Что произошло? Это был сон?»

Сергей кивнул и медленно встал, держась за стену. Перед ним валялись осколки зеркала, но когда он шагнул к ним, он заметил, что в самом большом осколке, который уцелел, отражается не его комната, а тот самый мир — спальня, свечи, кровать, на которой лежала женщина. Но теперь она лежала неподвижно, и на её шее не было медальона. Она была просто статуей, застывшей в вечном сне.

Сергей закрыл глаза и прошептал:

«Всё кончено. Она побеждена».

Но в ответ он услышал едва слышный шёпот из осколка:

«Ты думаешь, что победил? Нет, мой милый. Ты только что уничтожил зеркало, но ты освободил не только себя. Ты освободил всех, кого я поймала. И они теперь тоже свободны. В твоём мире. Среди твоих. И они голодны».

Сергей открыл глаза, и в уцелевшем осколке он увидел не только свою комнату — он увидел фигуры, силуэты, которые бродили по коридорам его дома, по его городу. Их было десять — все те, кто когда-то был узниками. И они были свободны. Но не как люди — как тени, как призраки, ищущие себе новые тела.

Он повернулся к Андрею, но тот уже смотрел в сторону двери, где стояла девушка в старомодном платье — та самая Софья, которую Сергей разбудил в подвале. Она улыбалась

ему с порога и медленно протягивала руку.

«Здравствуй, Сергей, — сказала она. — Спасибо, что освободил нас. Теперь мы будем жить здесь, как живут люди. И у нас будет много времени, чтобы поблагодарить тебя лично...»

Сергей побелел. Он понял, что совершил фатальную ошибку. Он уничтожил одно зло, но выпустил десять других. И они уже были рядом.

Глава обрывается на крике Андрея и шагах Софьи, которая медленно идёт к ним, и её глаза горят тем же холодным огнём, что и у Анны.

Глава 5. Освобожденные

Сергей не успел сделать и шагу. Софья уже стояла в дверном проеме, её старомодное платье струилось, хотя в комнате не было ветра, а её глаза — карие, с красными прожилками, которые он заметил ещё в подвале, — смотрели на него с голодным интересом. Она медленно протянула руку, и Сергей отшатнулся, ударившись спиной о край разбитого зеркала. Осколки хрустнули под его ботинками, и он почувствовал, как один из них впился в пятку, но боли не ощутил — только холод, расплзающийся по ноге.

«Не подходи, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я не знаю, кто ты теперь, но ты не войдёшь в меня или в Андрея».

Софья остановилась, склонила голову набок, рассматривая его с любопытством, как рассматривают редкий экспонат.

«Ты боишься меня, Сергей? Напрасно. Я не хочу причинять тебе зло. Анна была хищницей, она питалась нашими жизнями, чтобы оставаться молодой. Я же просто хочу... жить. По-настоящему. У меня не было тела почти сто лет. Я хочу чувствовать, как солнце греет кожу, как ветер треплет волосы, как бьётся сердце. Ты дал мне свободу, и я благодарна. Но я не могу оставаться призраком. Я хочу занять тело, которое сможет вместить меня. И твой друг, Андрей, кажет-

ся мне подходящим кандидатом. Он молод, здоров, у него живой ум и сильная воля. Он выдержит моё присутствие».

Андрей, который всё ещё сидел на полу, зажимая порезанную ладонь, побелел как полотно. Он попытался подняться, но ноги не слушались.

«Какого хрена, — выдохнул он. — Ты не подойдёшь ко мне, слышишь? Я не собираюсь быть твоим контейнером!»

Софья улыбнулась, и в её улыбке промелькнула печаль.

«Многие так говорили, мой дорогой. Но когда призрак касается тебя, ты чувствуешь такой холод, что вся воля уходит. Ты просто засыпаешь, а когда просыпаешься — я уже внутри. Это безболезненно. Почти».

Она сделала шаг вперёд, и Сергей, не раздумывая, схватил с пола самый крупный осколок зеркала, тот, в котором он видел отражение спальни. Он поднял его, направив на Софью, как оружие.

«Не приближайся! — закричал он. — Я не знаю, что делает этот осколок, но он часть того мира. Может быть, он может отправить тебя обратно!»

Софья остановилась, и её глаза сузились. Она внимательно посмотрела на осколок в его руке, и в её лице мелькнула тень страха.

«Ты не знаешь, как им пользоваться, — сказала она, но голос её дрогнул. — Осколки — это ловушки. Они могут затянуть меня обратно, но они могут и убить тебя. Отдай мне его, Сергей. Я не хочу причинять тебе боль, но если ты про-

должишь угрожать мне, я вынуждена буду...»

Она не договорила. В этот момент из-за её спины послышался тяжёлый шаг, и в коридоре показалась вторая фигура — мужская, высокая, в офицерском мундире, который был изорван и покрыт пятнами, похожими на плесень. Это был Дмитрий Болховский. Он выглядел старше, чем в зеркале: его лицо было измождённым, с глубокими морщинами, глазами, которые горели лихорадочным блеском. Он остановился рядом с Софьей, положил руку ей на плечо, и она вздрогнула.

«Оставь их, Софья, — сказал Дмитрий, и его голос был низким, властным, но в нём слышалась усталость. — Мы не для того ждали столетия, чтобы теперь убивать тех, кто нас освободил. Мы должны найти свой путь, а не красть тела у живых. Я не позволю тебе стать второй Анной».

Софья вырвалась из его хватки и обернулась, её лицо исказилось гневом.

«Ты всегда был моралистом, Дмитрий. Но посмотри на нас! Мы — тени, парящие в воздухе, бесплотные голоса, которые никто не слышит. Хочешь ли ты провести ещё сто лет, бродя по этому городу, пока нас не развеет ветер? Я хочу жить! И я возьму это тело, даже если ты будешь против».

«Ты не возьмёшь никого, — отрезал Дмитрий, и в его руке, которую он вытянул вперёд, появился призрачный клинок, мерцающий белым светом. — Я поклялся защищать слабых, когда был жив. И я не нарушу клятву, даже став при-

зраком. Уходи, Софья, или я заставлю тебя уйти».

Между ними возникла напряжённая тишина. Сергей и Андрей замерли, не дыша. Сергей сжимал осколок, готовый в любой момент использовать его, хотя не знал, сработает ли это. Софья и Дмитрий стояли друг напротив друга, как два дуэлянта, готовые броситься в бой. И в этот момент из коридора донеслись другие шаги, и в проёме показались новые фигуры — ещё трое призраков. Женщина в кружевном чепце, которую Сергей не видел в подвале, мужчина в длинном сюртуке с бакенбардами и ребёнок — девочка лет десяти, с большими грустными глазами и косичками, перевязанными голубыми лентами. Они стояли молча, наблюдая, и их присутствие добавляло ещё больше напряжения.

«Мы не хотим драться, — сказала женщина, и её голос был тихим, как шёпот. — Мы просто хотим покоя. Освободи нас от этого мира, Сергей. Ты разрушил зеркало, но ты не дал нам уйти. Мы застряли между небом и землёй. Если ты не найдёшь способ отправить нас обратно, мы будем блуждать здесь вечно, голодные и злые. И рано или поздно мы станем такими же, как Анна».

Сергей перевёл взгляд на неё, затем на Дмитрия, затем на Софью. Он чувствовал, как у него кружится голова, как боль в порезанной ноге начинает пульсировать, возвращая его к реальности. Он понял, что должен действовать быстро, пока эти призраки не перессорились и не начали настоящую охоту.

«Я помогу вам, — сказал он, и его голос прозвучал твёрже, чем он ожидал. — Но сначала вы должны остановиться. Никто не будет вселяться в Андрея. Никто не будет никого убивать. Я найду способ открыть дверь между мирами, чтобы вы могли уйти туда, где вам будет покой. Но для этого мне нужно время. И я должен знать, как это сделать».

«В библиотеке, — сказал Дмитрий, опуская клинок. — Ты видел книгу о зеркальных иллюзиях. В ней есть глава о запечатывании. Там описаны слова, которые нужно произнести, чтобы закрыть проход навсегда. Но для этого нужны все осколки зеркала, без исключения. Если хоть один останется в этом мире, призраки смогут просачиваться сквозь него».

Сергей посмотрел на пол, усеянный осколками, и с ужасом понял, что многие из них разлетелись по всей квартире, а некоторые, возможно, упали за окно или в щели между половицами.

«Их много, — сказал он. — Я не смогу собрать их все за несколько минут».

«У тебя есть до рассвета, — сказала женщина в чепце, и её голос был печальным. — Когда солнце встанет, мы станем сильнее. Мы сможем выходить за пределы этой квартиры, бродить по городу, искать себе новые тела. Тогда мы станем неуправляемыми. Ты должен успеть до первых лучей».

Сергей взглянул на часы — они показывали половину второго. До рассвета оставалось около пяти часов. Он перевёл дух и начал действовать.

«Андрей, — сказал он, поворачиваясь к другу, который всё ещё сидел на полу, но уже пришёл в себя и пытался встать. — Ты должен помочь мне собрать осколки. Все, до последнего, даже те, что упали за мебель. Дмитрий, Софья, вы можете помочь? Если вы хотите покоя, помогите мне найти каждый кусок».

Софья колебалась, но Дмитрий кивнул.

«Мы можем ощущать осколки, — сказал он. — Они часть нашего мира. Мы проведем вас к каждому из них. Но будьте осторожны: некоторые осколки могут быть опасны. Если коснуться их голыми руками, они могут вытянуть частичку вашей души в наш мир. Используйте ткань, чтобы брать их».

Сергей сорвал с дивана плед и начал собирать осколки, заворачивая их в шерстяную ткань. Андрей, несмотря на порезанную ладонь, помогал ему, ползая на коленях и заглядывая под стулья и шкафы. Призраки кружили вокруг, указывая на места, где лежали осколки, и Сергей с удивлением замечал, как они светятся слабым серебряным светом, когда он приближался к ним. Он собрал почти сотню осколков, когда Софья вдруг остановилась у окна и указала на улицу.

«Там, — сказала она. — За окном, на карнизе. Осколок вылетел, когда зеркало взорвалось. Если он упадёт на землю, кто-то найдёт его, и тогда...»

Сергей подбежал к окну, распахнул его, и ледяной ветер ударил ему в лицо. На карнизе, в нескольких сантиметрах от края, лежал одинокий осколок, поблёскивая в свете уличных

фонарей. Он был маленьким, размером с монету, но Сергей знал, что его нужно достать любой ценой. Он осторожно перегнулся через подоконник и протянул руку, но не доставал. Андрей схватил его за пояс, чтобы он не упал, и Сергей наклонился ещё дальше, пальцы почти коснулись стекла. И в этот момент он почувствовал, как чья-то холодная ладонь сжала его лодыжку.

Он обернулся и увидел Софью, которая стояла у него за спиной, но её рука была призрачной, почти прозрачной, и она тянула его назад, к себе, с нечеловеческой силой.

«Ты не должен собирать все осколки, Сергей, — прошептала она, и её голос был полон мольбы. — Если ты запечатаешь вход, мы исчезнем навсегда. Мы не хотим умирать. Мы хотим жить. Хотя бы один из нас. Оставь этот осколок там, и я буду свободна. Я уйду из вашего мира, я найду себе тело, но я не вернусь сюда. Я обещаю».

Сергей сжал зубы, пытаясь вырваться, но её хватка была стальной.

«Ты лжёшь, — прохрипел он. — Ты сказала, что хочешь тело Андрея. Если я оставлю осколок, ты не остановишься на одном. Ты станешь новой Анной. Я не позволю этому случиться».

Он дёрнулся, и в этот момент Дмитрий бросился к Софье, схватил её за руку и отшвырнул от Сергея. Она вскрикнула, потеряла равновесие, и на мгновение её фигура стала почти прозрачной, растворившись в воздухе, но через секунду она

материализовалась снова, и её лицо было искажено яростью.

«Ты предатель, Дмитрий! — закричала она. — Ты всегда был предателем! Ты обещал графу, что защитишь меня, но ты позволил ему заточить меня в зеркале! А теперь ты мешаешь мне обрести свободу!»

«Я защищал тебя от него, — ответил Дмитрий, и его голос был тяжёлым, как камень. — Но я не позволю тебе стать чудовищем. Прости, Софья, но ты должна уйти».

Он взмахнул призрачным клинком, и Софья отпрянула, её фигура затрепетала, как пламя на ветру. В этот момент Сергей, не раздумывая, схватил осколок с карниза, завернул его в плед и шагнул обратно в комнату.

«Всё, — сказал он, тяжело дыша. — Все осколки собраны. Теперь я должен найти книгу с заклинанием. Дмитрий, ты знаешь, где она?»

Дмитрий кивнул.

«В библиотеке. Но она не в том особняке, который ты видел, а в том, который был в зеркале. Ты должен войти в него снова. Через самый большой осколок, который ты держишь в руке. Это будет твой последний вход. Если ты произнесёшь заклинание, ты окажешься в библиотеке, возьмёшь книгу, прочитаешь слова, и проход закроется навсегда. Но ты должен вернуться до того, как закроется дверь. Если ты не успеешь, ты останешься там навсегда, а мы все останемся здесь, в этом мире, без надежды на покой».

Сергей посмотрел на самый крупный осколок, который он

держал в руке. Его поверхность была гладкой, и в ней отражался не его собственный свет, а тусклое свечение той самой спальни с балдахином и свечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.